

С.П. Брок

СВЯТОЙ ЕФРЕМ — ПЕВЕЦ СЛОВА БОЖИЯ

В работе ведущего специалиста в области сирийских исследований рассматриваются некоторые интересные биографические данные прп. Ефрема Сирина, а также его методология в раскрытии учения о Боге, таинственном, но явленном в Откровении. Исследуется особый метод прп. Ефрема, применяемый им к толкованию Священного Писания для извлечения духовного или таинственного смысла. Анализируются фрагменты поэтического творчества святого отца, которые служат своеобразным толкованием к событиям священной истории. Перевод фрагментов с сирийского языка С.П. Брока.

Ключевые слова: св. Ефрем Сирин, Священное Писание, экзегеза, метод толкования, Откровение, мидраш.

*Кто не воздаст хвалу Тайному, Самому Тайному
из всех, Тому, кто пришел возвестить Откровение,
возвестить его всем!*

Св. Ефрем Сирин. Вера. 19:7

Святой Ефрем может быть назван поэтом парадокса, и суть одного из его часто повторяющихся парадоксов заключается в том, что таинственный Бог открывается нам и познается в Откровении. Открывается нам, но все еще скрыт, — это применимо одновременно и к Священному Писанию, и ко Христу. Это также применимо и к личности самого св. Ефрема, ведь он раскрывается нам посредством его собственной биографии, датируемой VI в., и все же остается скрытой его реальная жизнь, поскольку целью его биографа в VI в.

Себастьян Пол Брок — доктор философии, профессор в области сирийских исследований Восточного института и Колледжа Вульфсон Оксфордского университета, член Британской академии.

Доклад на XIX Международной богословской конференции по православной духовности «Слово Божие в духовной жизни». Италия, монастырь Бозе, 7 сентября 2011 г. Перевод с англ. Василия Вениаминовича Богданова-Березовского, преподавателя Санкт-Петербургской православной духовной академии.

было представить личность св. Ефрема читателям как их реального соотечественника. Его биографический портрет составлен так, чтобы соответствовать представлениям читателей VI в.

Можно выделить два аспекта, являющихся очевидно ошибочными в исторической перспективе: первое — то, что св. Ефрем описывается как монах, и второе — рассказ о том, как его посетили святой Василий и святой Бишой¹. Эти два факта определенно исторически недостоверны. Мы точно знаем о том, что св. Ефрем проживал к востоку от реки Евфрат во второй и третьей четверти IV в. и, таким образом, опередил зарождение монашества в той форме, которая нам известна, ни одно из его путешествий не было исторически обоснованным, оба этих путешествия основываются на неправильной идентификации некоего анонимного сирийца со св. Ефремом. И все-таки, на символическом уровне, оба факта его биографии отражают глубинную истину: хотя св. Ефрем не был монахом, существует вероятность того, что он был членом некоей сирийской протомонастырской общины «бнай кияма» («сынов Завета»), которые, очевидно, принимали некий аскетический обет (описываемый как Завет со Христом) и становились «ихидае» (единодушными, тождественными со Христом). Сам термин «ихидаея» — это сирийский перевод греческого слова «μονογενής» («единородный») из Ин 1:18.

Аналогичным образом, хотя св. Ефрем никогда не посещал ни св. Василия, ни св. Бишоя, его учение полностью соответствовало на глубинном уровне его более знаменитым современникам, жившим в Каппадокии и Египте. Иногда он также изображается как диакон, что, по-видимому, отражает историческую реальность его жизни.

В данной статье мы касаемся методов, с помощью которых св. Ефрем описывает парадоксы «скрытого» и «явленного» в контексте библейского текста, а также методику перехода от внешней явленной формы текста к его скрытому внутреннему значению и смыслу.

Отправная точка метода св. Ефрема заключается в вопросе о том, как человечество может хотя бы частично познать Бога учитывая тот факт, что между тварью и Богом лежит непреодолимая «пропасть», которую человеку преодолеть невозможно. Это означает то, что в случае, когда человек постигает какой-либо Божественный факт, Господь Сам раскрывает ему некую Божественную тайну и делает ее доступной человеческому восприятию.

---

¹ Авва Бишой (коптск. Abba Pišoi; иногда рус.: Псой; 320–417) — знаменитый египетский пустынножитель. — *прим. ред.*

По словам св. Ефрема,

Если бы Бог не захотел открыть Себя нам,

Тогда тварный мир никогда бы не смог выразить что-либо о Нем.

(О вере. 44:7)

Соответственно, любое человеческое знание о Боге является результатом Божественного само-Откровения, которое проявляется в двух различных сферах: в природе и в Писании, которые св. Ефрем называет «двумя свидетелями», имея ввиду природный мир вокруг нас и тексты Священного Писания (см. Рай. 5:2). Св. Ефрем обращает особое внимание на важность Божьего дара свободной воли для человечества: этот дар Божественного Откровения одновременно предполагает Божественное уважение человеческой свободы воли, поэтому Откровение не предполагает принуждения или насилия. Св. Ефрем разработал методику достижения этого тонкого равновесия посредством взаимопроникновения и взаимосвязи между Богом и человечеством. Бог берет на Себя инициативу, раскрывая людям часть Себя и делая ее постижимой посредством двух свидетельств, но само это «Откровение» остается все еще скрытым, тайным, потому что теперь эстафета передается человеку в его поиске, в стремлении к раскрытию тайны и снятии «покровов тайны». В этой связи св. Ефрем нередко пользуется термином «раза», то есть «тайна», часто переводимым как «символ», понимаемый в более широком смысле, то есть символ, тесно связанный с тем, что он символизирует. Как природа, так и Писание охватываются словом «раза», так как они установлены в качестве элементов Божественного Самооткровения и, таким образом, в определенном аспекте указывают на Божественное единоначалие.

Повсюду, куда бы ты ни взглянул,

Его символ «раза» присутствует,

И где бы ты ни читал (Писание), ты найдешь Его образы.

Все тварное было создано Им.

И Он наделил Своими символами Свои владения;

Пока Он творил мир, Он глядел на него,

И мир украсился Его образами.

Фонтаны символов открылись и забили,

И хлынули наверх, заполняя все,

Его символы — во всех частях мира!

(Девственность. 20:12)

Присутствие Бога во всех Его символах придает смысл тварному миру, но эта осмысленность остается скрытой до тех пор, пока человек не познает их смысл, не раскроет их тайну.

Как же это случится? Для иллюстрации св. Ефрем использует пример-аналогию, взятый из мира оптики, касающийся того, как физический глаз способен видеть. Исходя из его понимания зрительных законов, глаз видит, когда свет попадает в него. Чем ярче свет, тем больше видит глаз. Духовное зрение, то есть внутренний глаз души, действует аналогичным образом, но вместо света действует вера. Только когда вера входит в него, тогда духовный глаз может действовать и постигать тайну — «раза» — то есть «тайны» и «символы», скрытые в природе и в Книге. Чем больше вера, тем четче духовный глаз способен воспринять тайну — «раза».

Священное Писание представляется как зеркало,
И человек, чье зрение прозрачно,
Воспринимает взглядом Истину.
Он различает образ Небесного Отца,
Изображение образа и Сына,
И, наконец, образ Духа Святого.

(Вера. 67:8–9)

Самым очевидным примером Божественного Откровения является Боговоплощение, но здесь мы вновь сталкиваемся с тем же парадоксом «явленного» и одновременно «скрытого», то есть исторического образа Иисуса из Назарета, видимого физическому глазу, и ипостаси Христа как Воплощенного Слова, доступной только внутреннему духовному зрению, наполненному верой. Для описания «акта воплощения» св. Ефрем использует фразу «Он облекся (надел на себя) тело», следуя стандартной терминологии раннего сирийского христианства. Образ облачения в одежду, однако, расширяется св. Ефремом до масштабов Ветхого Завета, где Бог «надевает имена, обозначения». Он словно воплощается в человеческом языке, позволяет описать Себя в терминах человеческих.

В этом месте мне бы хотелось позволить сказать самому св. Ефрему. В данном отрывке, начиная от гимна 31 из цикла «О вере», св. Ефрем восхитительно излагает свою точку зрения, используя аналогию методики обучения попугая человеческой речи:

Возблагодарим Бога за то, что Он облек себя, словно одеждой,
В названия различных частей человеческого тела.
Писание упоминает Его «уши», чтоб показать, что Он слышит нас.
Оно упоминает Его «глаза», чтоб показать, что Он видит нас.
Ведь Он облекся именно в названия этих слов,
И хотя в Нем нет ни малейшего ущерба, ни умаления,
Все же Он облекся в эти имена, снисходя к нашей немощи.

Мы должны понять, что если бы
Он не положил имен для подобных предметов,
Было бы невозможно для Него
Говорить с нами, людьми.
Он стал ближе к нам,
Посредством восприятия, что присуще нам.
Он облекся в наш язык
С тем, чтобы Он смог облечь нас в Свой образ жизни.
Он взыскал наш образ и облекся в него,
И затем, словно Отец со Своими детьми, Он говорил с нами,
Словно на детском языке.

То, что Он воспринял — наши метафоры,
Хотя Он не сделал этого буквально.
Затем Он сбросил их с Себя,
Не делая этого на самом деле.
Облекаясь в эти одежды, одновременно Он не носил их совсем.
Он облачается в них, когда это нужно,
И снимает их, чтобы одеть вместо них новые.
Сам факт того, что Он снимает их и надевает их, иносказателен.
Он говорит нам, что это иносказание
Не относится к Его истинной Сущности,
Потому что Сущность скрыта,
Он описывал Ее посредством зримых образов.

В одном месте Он подобен Старцу, Ветхому днями,
И потом снова
Он становится героем, доблестным воином.
С целью суда Он стал старцем.

Но в случае конфликта Он стал доблестным воином.
Иногда Он задерживается, в другой раз — бежит до усталости,
Иногда Он засыпает, иногда Он бедствует.
Но каждый раз Он истощает Себя с тем,
Чтобы приобрести нас.

Но Он благ, хотя мог бы принудить нас силой,
Чтобы мы ублажили Его,
Не причиняя Себе никакого беспокойства.
Но вместо этого Он всячески утруждает Себя,
С тем чтобы мы смогли
Услужить Ему по нашему свободному желанию,
С тем чтобы мы смогли запечатлеть нашу красоту
Всеми красками, которые собрала наша свободная воля,
С тем чтобы, если Он украсил нас,
Тогда бы мы смогли напоминать Тот
Портрет, который написал кто-то другой,
Украшив его Своими собственными красками.

Человек, который учит попугая человеческой речи,
Прячется позади зеркала и таким образом учит птицу:
Когда она поворачивается на звук человеческой речи,
Она видит перед глазами
Свое собственное отражение в зеркале.
Птица воображает, что это другой попугай,
Говорящий сам с собой,
Человек помещает птичий образ перед ней,
С тем чтобы она смогла научиться говорить.

Птица — очень близкий сосед человеку,
Но, несмотря на существование этого сходства,
Человек учит попугая чему-то чуждому для него,
Используя собственный образ,
И таким образом разговаривает с ним.
Божественное бытие, которое во всем,
Является превыше всего.
И Бог в Своей Любви склоняется к нам с высоты

И дает нам то, к чему мы все привыкли:
Он прилагает все Свои усилия для того,
Чтобы привлечь нас всех к Нему.

(Гимны веры. 31:1–7)

Это акт великого Божественного умаления, унижения, когда Он позволяет Себе разговаривать с нами чисто человеческим языком, и этот язык нельзя воспринимать буквально, так как тогда мы оскорбляем сам Божественный дар благодати, данный нам через Писания.

Св. Ефрем говорит об этом так:

Если человек сосредоточивается целиком и полностью
На описании языка Божественного величия,
Тогда он оскорбляет и унижает величие Божие.
И, таким образом, он отдаляется,
Используя слова того самого языка,
Посредством которого Господь облек Себя в одежды
Ради собственного блага человека.
И он не благодарен Богу за эту благодать,
За которую Бог преклонил себя столь низко,
До уровня младенческого состояния человека.
И хотя благодать не имеет ничего общего с человеком,
Все же она облекла себя по образу и подобию человека,
Для того чтобы уподобить его себе самой.

(Рай. 11:6)

В одном месте св. Ефрем описывает нам Христа как «принявшего зыбкость» человеческой природы при воплощении, когда Он «облекся в человеческую плоть» (Рождество. 11:8). Это аналогично утверждению о «Боге, облекшемся в человеческие слова в форме библейского текста». Он раскрывает Себя людям вплоть до возможности быть неправильно понятым. Для св. Ефрема является жизненно необходимым правильно подойти к библейскому тексту, так как, по его словам:

Человек, который ищет истину в духе зависти,
Не сможет познать ее, даже если встретится с Ней,
Потому что зависть затуманила его разум.

При этом он не становится мудрее,
даже если цепляется за это знание.

(Вера. 17:1)

То, что ему требуется, — это ощущение чуда и, особенно, — любви:
Твой фонтан, Господи, остается сокрытым
От человека, который не жаждет Тебя;
Твое сокровище кажется тщетным
Человеку, который отвергает Тебя.
Лишь только Любовь — это казначей
Твоей небесной сокровищницы.

(Вера. 32:3)

Поздний сирийский поэт Иаков из Серуга (умер в 521 г.) особенно подчеркивал необходимость подходить к Писанию с любовью, если есть желание проникнуть в его глубинный смысл.

В своем прозаическом комментарии к книге Бытия св. Ефрем проводит разделение между «буквальным» и «духовным» пониманием библейского текста. Первое подразумевает внешний аспект, при этом второе подразумевает внутреннее значение, которое может быть постигнуто через восприятие «раза» — «тайны символов», обитающих в тексте. Причем фактический подход, то есть внешнее понимание текста, можно сказать, его историческая интерпретация, по крайней мере теоретически, была доступна только в одном аспекте, тогда как его внутренняя сторона, открывающаяся лишь внутреннему «оку веры», дается исследователю одновременно во множестве аспектов понимания. Для св. Ефрема эта многозначность является основополагающей характеристикой уразумения Священного Писания и его правильного истолкования. В поэме, посвященной Великому посту, во время которого читается множество фрагментов из Библии, св. Ефрем сравнивает эти чтения с ярмаркой купцов, демонстрирующих изобилие своих товаров:

В середине поста Писания собрались вместе и превратились
В купцов, владеющих истинным Божественным сокровищем.
Божественным голосом, как ключом,
Оно открывается тому, кто умеет слышать.
Благословен Царь, Который раскрыл
Свои сокровища для Своего народа!

(Божественный голос — это Христос — герменевтический ключ к правильному пониманию Священного Писания). После описания различных товаров, которые удовлетворяют любую потребность, св. Ефрем приглашает своих слушателей: для него Писание — это «сокровищница», доступная нам через Господа:

Откройте эту сокровищницу, братья и сестры мои,
И черпайте из нее с проницательностью,
Так как эти сокровища являются собственностью каждого.
И каждый человек, словно он казначей,
Обладает своим собственным ключом,
Поэтому кто может здесь не обогатиться!
Благословен Тот, Кто устранил причину нашей бедности.

Как велик тот дар, что брошен перед нашими глазами,
Так как, хотя каждый из нас имеет две пары глаз,
Лишь немногие из нас обладают этим даром,
Сознают сей дар и то, от Кого он получен.
Господи, помилуй всех слепых,
Так как все, что они видят, — это золото!

(Пост. 6:1, 3–4)

Упоминание «двух пар глаз» означает физические и духовные глаза, первые — для внешнего зрения, вторые — для внутреннего зрения, которое присуще духовному взгляду сердца.

До сих пор мы занимались исследованием метода, посредством которого св. Ефрем рассматривал правильный путь понимания библейского текста. Для святого живым примером вдохновенного подхода к интерпретации текста служили его современники — святые отцы и иудейские раввины, то есть открытость богодуховности в понимании библейских авторов, будь то сознательный либо бессознательный подход к их интерпретации. Основываясь на этом утверждении, св. Ефрем выводит определенную форму взаимодействия с тремя сторонами треугольника. Это Дух Святой, библейский автор и сам читатель. При этом богодуховность библейского автора сама собой разумеется, поэтому требование заключается в том, чтобы читатель был также открыт Духу Святому. Другими словами, в зависимости от отношения, с которым читатель подходит к библейскому тексту, определяется понимание этого текста, а также степень проникновения в глубину тайны, «раза», ее постижение, при этом

первичный выбор подхода к библейскому тексту зависит от свободной воли человека.

По словам св. Ефрема,

Любой вид украшения, полученный в результате принуждения,
Не является истинным, так как является вынужденным:
Здесь кроется величие Божьего дара, который
В том, что человек может украсить сам себя,
По собственному усмотрению,
Видя, что Бог устранил от него всякое принуждение

(Низибийские гимны. 16:11)

Теперь вернемся к методу, который св. Ефрем использует для анализа библейского текста. Метод, в первую очередь, зависит от литературного жанра, который он использует. Здесь можно выделить 4 главные категории: прозу, повествовательную поэзию, артистическую прозу и лирическую (строфную) поэзию. Позвольте предложить вам короткие образцы каждого из жанров.

В его прозаических комментариях — на книгу Бытия, первую часть Исхода и на Диатессарон, то есть на гармонизацию Евангелий (говоря только об уцелевших частях на сирийском языке), — мы сталкиваемся с явлением, которое можно определить как «внимательное чтение» библейского текста с пристальным отношением как к мелким повествовательным деталям текста, так и к тому, о чем текст умалчивает.

Прекрасным примером этого метода может служить его комментарий к 3-ей главе книги Бытия. По мнению св. Ефрема, Адам и Ева были сотворены в промежуточном состоянии, они не были ни смертными, ни бессмертными; выбор их будущего состояния зависел от их свободного волеизъявления в отношении условий соблюдения «крохотной Божественной Заповеди» — не есть плода с единственного из многих деревьев в раю. Затем сатане «<...> не было позволено послать одного из ангелов, или одного из серафимов или херувимов к Адаму с этой целью, также сатане не было позволено явиться в райский сад в человеческом облике, <...> ни в облике любого из гигантских животных, таких как бегемот или левиафан. <...> Вместо этого ему было позволено явиться к ним в образе обычного змея, который хотя и был хитрым, но не вызывал у них крайнего отвращения или презрения» (Комментарии к книге Бытия. II. 18).

Две работы св. Ефрема составлены в стиле художественной прозы. Одна из них содержит размышление по поводу Страшного суда, начальной фразой

которого служит «полированное зеркало Евангелия, которое придает сходство каждому, кто смотрится в него. <...> Оно отвергает все уродливые дефекты с тем, чтобы люди могли излечиться, <...> однако красивых оно предупреждает об осторожном отношении к своей красоте» (1-е письмо к Публию). Св. Ефрем сравнивает отдельные отрывки из Евангелия с отражением, видимом в зеркале: «Некоторые из них говорили: “Мы ели и пили в Твоем присутствии” (Лк 13:26), но Господь сказал им: “Не меня вы хотели увидеть, вы просто ели хлеб и наполняли стаканы” (см.: Ин 6:26)».

Здесь св. Ефрем видит свое отражение в зеркале Евангелия: «И вот, я, который был подобен всем им, находил убежище в Его имени и получал всякую выгоду от почестей, воздаваемых Ему, распространял повсюду Его имя как покрывало над своими грехами, — вот я охвачен страхом, ужас сотрясает меня, великий трепет объял меня, заставляет повернуть вспять, и, может быть, отыскать условие, нужное для узкого пути (Мф 7:14). Этот путь ведет в землю спасения» (Письмо к Публию. 13, 14).

Несколько повествовательных поэм по мотивам библейских эпизодов также приписываются перу св. Ефрема, но только две из них, вероятно, являются подлинными. Одна посвящается пророку Ионе и плачу Ниневию, а другая — грешнице, которая умастила миром ноги Иисуса (Лк 7). Обе поэмы были переведены на греческий и получили широкую известность, оба стихотворения представляют собой христианизацию иудейского жанра, который назывался «пересказывание Библии» и включал в себя импровизацию — пересказ библейского текста. В прекрасной и трогательной поэме о грешнице св. Ефрем прослеживает ее путешествие до дома, где отдыхал Иисус. По ходу ее путешествия он повествует о продавце драгоценных масел. Описывая то, как она приняла свое окончательное решение изменить свою жизнь, св. Ефрем продолжает:

Она сорвала с себя и сбросила со своего тела
Тонкое льняное полотно своего развратного ремесла.
Она решила уйти и надеть на себя
Смирненную одежду страданий.
Она сбросила со своих ног и отшвырнула прочь
Свои элегантные, но распутные туфли.
Она направилась прямо по дороге к Небесному Орлу.
Зажав в ладони все свое золото,
Она подняла его высоко вверх.
Она начала стонать потихоньку,

Жалуюсь Тому, Кто все слышит:
«Эти деньги, Господи, пришли ко мне нечестным путем,
Посредством их я обрету спасенье;
Деньги эти когда-то были отобраны от сирот,
И через них я обрету Отца всех сирот».

Все это она произнесла тайком,
Но начала действовать открыто:
Держа свои золотые монеты в одной руке
И алавастровый сосуд — в другой (Лк 7:37),
Она повернулась и бросилась прочь в крайней спешке
К продавцу благовоний, полная печали.

Продавец встретил ее и был изумлен.
Он начал спорить с ней и начал говорить
С блудницей такими словами:
«Неужели тебе еще недостаточно, о блудница,
Что ты совратила весь наш город?
Что означает эта одежда,
В которой щеголяешь ты сейчас для своих любовников?
Ведь ты сняла с себя прежнюю распутную одежду
И надела одежду смирения.

Раньше, когда ты приходила ко мне,
Твой облик был совсем иной,
Ты была одета в изящное платье,
Но в руках твоих почти не было золотых монет,
Теперь ты просишь самых лучших благовоний,
Чтобы умастить ими свое распутство;
При этом ты одета сегодня в истрепанную одежду,
Но в руках ты держишь много золотых монет!

Я не понимаю эту перемену
И почему ты одета в эту одежду.
Либо будь одета в одежду,
Приличную ценности благовоний,
Либо купи дешевые духи,

Что подходят твоей нынешней одежде,
Так как эти благовония не подобают тебе никоим образом
И не соответствуют той одежде, которую ты носишь.

Может быть, какой-нибудь купец встретил тебя,
И он весьма богат?
Неужели ты не понимаешь, что ему не нравится
Твоя развратная одежда?
Ты сбросила свое распутное платье
И надела на себя что-то более скромное
С тем, чтобы, переодеваясь в разные модные одежды,
Ты смогла бы завладеть всем его богатством?

Но если ему действительно нравятся эти одежды,
Тогда, раз он человек достойный,
Горе ему, ведь он повстречался с ямой,
Которая проглотит все его достояние!
Я дам тебе совет,
Так как я желаю тебе счастья:
Оставь все это множество мужчин,
От них ты не получила никакой выгоды,
С тех пор как ты была ребенком.
Выйди замуж за единственного мужа,
Который положит конец твоему беспутному поведению».

Вот, что сказал продавец благовоний в своем обращении к блуднице.
Вот, что сказала блудница в ответ продавцу:
«Не увещивай меня своими словами,
Не сбивай меня с толку своими доводами.
Я прошу у тебя благовоний, но я не прошу их за бесценок:
У меня нет желания сбивать твою цену.
Возьми золотые монеты, сколько ты хочешь,
Но отдай мне самое лучшее благовоние.
Возьми себе то, что недолговечно,
И дай мне то, что длится вечно.
Я иду к Тому, Кто вечен,
И я покупаю что-то, что продлится навечно.

Что касается твоих слов про купца,
Так это правда, сегодня я встретила такого человека.
Он несет с собой огромное сокровище;
Он покори́л мое сердце — и я покори́лась Ему:
Он взял на Себя все мои грехи и прегрешения.
Взамен я приобрела все Его богатство!
Что касается твоих слов о моем муже,
Я получила превосходного мужа,
Чья власть продлится навечно,
И Царствию Его никогда не будет конца.

(Проповеди. II. 4. 54–140)

Данная поэма — образец лирической поэзии св. Ефрема. Так называемые «мидраши», то есть «назидательные стихи», были собраны в единый сборник, из которого мы можем получить некоторое представление о его структуре и его богословском видении, включая сюда (как мы видели раньше) его методику изучения библейского текста.

Жанр «мидрашей» может быть определен как «нравоучительная, дидактическая поэма». Целью их написания было изложение, так сказать, нравоучительных «катехизаторских» инструкций о природе и значении христианского послания. Одной из главных тем, которой св. Ефрем посвятил огромное число стихов, было «сошествие Христа во ад», в мир мертвых. Тема эта представляет огромную важность для святых отцов, так как она описывает вхождение Христа в сакральное или литургическое время и пространство, где оно приобретает *качество* события, а не просто место в отрезке времени.

Сама тема сошествия Христа во ад по своей собственной природе может быть описана исключительно в повествовательной либо мифологической (в лучшем смысле этого слова) манере. Это как раз то, что делает св. Ефрем весьма плодотворно, местами игриво и даже юмористично, в серии драматических эпизодов, где идет спор между персонифицированными образами смерти и сатаны касательно Иисуса и времени Крестной смерти. Оба эти персонажа проявляют исключительные знания и начитанность в области библейского текста — это был интеллектуальный вызов для читающей аудитории св. Ефрема, включая сюда и наших современников! В данном отрывке смерть хвастливо обращается к Иисусу, висящему на Кресте:

Если Ты Бог, покажи Свое могущество,
Но если Ты человек, испытай наше могущество!
А если Ты ищешь здесь Адама, ступай прочь:
Так как он заключен в темницу из-за своих долгов...
Именно я завоевала всех праведников:
Я сложила их всех в грудь в уголках ада.

Прийди и войди, сын Иосифа, взгляни на эти ужасы;
Вот гигантский остов — Самсона огромное мертвое тело,
Вот скелет жестокого Голиафа,
Вон там лежит и Ог — сын великанов,
Который изготовил себе железное ложе, где он спал:
Я разрубила его и сбросила вниз.
Срубила я этот кедр у самых врат Шеола.

С презрением я отвергла подношение серебра от богатых,
И все их дары не смогли подкупить меня;
Рабовладельцы не смогли заставить меня
Принять раба вместо их владельца, или бедняка вместо богача,
Или старика вместо ребенка.
Мудрецы способны победить диких животных,
Но их победный клич не достигает моих ушей.
Каждый зовет меня «отвергатель просьб»,
Но я просто выполняю тот долг, к которому призвана.

Кто это? Чей Он сын?
И из какой семьи Он вышел, Человек, Который меня уничтожит?
Книга с Его родословной лежит передо мной:
Не поленилась я прочесть в ней все имена
От Адама вплоть до наших дней.
Никто из умерших не прошел мимо меня: колено за коленом, —
Все они записаны здесь в моей книге.

Именно ради Тебя, Иисус,
Я приняла на себя все эти труды,
Чтобы показать Тебе то,
Что никто не избежит моих когтей.

Сказать по правде, есть два человека,
Которые избегли меня и ада:
Енох и Илия не пришли ко мне.

Я искала их повсюду по всей книге жизни,
Я даже спускалась в то место, где был Иона, и искала там,
Но их там не было, и стоило мне подумать, что они, возможно,
Попали в рай и ускользнули от меня, тотчас явился мне
Грозный херувим, хранитель рая.
Иаков видел небесную лестницу, может быть, они
Взобрались по ней на Небо.

Тем же образом смерть продолжает говорить еще несколько строф, но затем «смерть закончила свою язвительную речь»:

Голос нашего Господа зазвучал
Громовыми раскатами (Мф 27:50) в аду,
Разрывая на части могилы, одну за другой.
И явился ангел,
Чтобы вывести из могил мертвых для встречи с Тем Мертвым,
Который подарил Жизнь для всех.

(Низибийские гимны. 36. 2–3, 5–7, 11)

Сошествие Христа во ад заставляет смерть просить прощения за свои прежние слова и признать, что Христос — одновременно Бог и человек. Смерть умоляет:

О Иисус, прими мою просьбу,
И вместе с ней прими этого заложника,
Возьми его с Собой, как Своего заложника, — Адама,
В котором скрыты все мертвые земли —
Так же, как, когда я приняла его, в нем были скрыты все
Живущие земли.
Как первого заложника я возвращаю Тебе тело Адама.
Воскресни вновь и будь Владыкой над всем,
И тогда я, заслышав трубный глас,

Руками собственными отпущу всех мертвых Тебе навстречу!

(Строфа 17)

Все работы св. Ефрема пронизаны глубоким знанием и проникновением в библейский текст; имеется множество ссылок, во многих случаях становится очевидным, что все эти описательные намеки, походя брошенные св. Ефремом, позже подбираются и используются другими поэтами и, прежде всего, Яковом Серужским.

Автор надеется, что различные отрывки из работ святого, приведенные здесь, дадут некоторое представление о тех творческих методах, которые использует прп. Ефрем в изучении Слова Божия.

В заключение приведем отрывок, где он воспевает неисчерпаемость и многозначность мотивов Священного Писания. В начале он обращается к Самому Христу:

Кто из людей способен понять все богатство,
Заключенное в едином Слове Божиим?
Сколько бы много мы не черпали из Него,
Еще больше остается нетронутым,
Как когда жаждущие люди пьют из фонтана.

Граней Его слов намного больше тех,
Кто хочет узнать о них.
Господь украшает Свои слова множеством красот,
Поэтому каждый, кто поучается от них,
Может избрать себе именно ту грань, которая ему требуется.

Господь скрывает в Своих словах всевозможные сокровища,
С тем, чтобы каждый из нас
Мог бы обогатиться через них,
Получить именно ту пользу, которая ему потребна.
Потому что Слово Божие — это древо жизни,
Которое дарит вам благословенные плоды со всех сторон.
Слово это подобно скале,
Которая была расколота Моисеем в пустыне.
Оно стало духовным питьем для каждого из нас.
«И все ели одну и ту же духовную пищу» (1 Кор 10:3).

Каждый, изучающий Писание, не должен полагать,
Что богатство, которое он обнаружил,
Является единичным и исключительным;
Скорее он должен понять, что он сам в состоянии обнаружить,
Что обладает лишь одним единственным зерном
Из множества богатств,
Которые хранятся в Писании.
Писание обогащает человека,
Но человек не может исчерпать его.
В случае, если читатель не способен
Отыскать в нем то, что ему нужно,
Ему следует признать его непостижимость.

Радуйтесь, так как вы нашли свое счастье,
И не печальтесь о том, что вы не в силах постичь все его величие.
Жажущий пьет, потому что жаждет,
Он не печалится от того, что не в силах выпить весь фонтан до дна.
Пусть фонтан утолит твою жажду,
Но твоя жажда не должна исчерпать весь фонтан!

Если ты утолил свою жажду,
Но вода в фонтане не уменьшилась,
Значит ты сможешь пить из него снова,
Когда испытаешь жажду;
И если бы фонтан осушился раз и навсегда
После твоей жажды,
Тогда бы твоя победа над ним
Обернулась бы твоим поражением.
Благодари Бога за то, что выпил из него, и не жалуйся
На то изобилие воды, которое в нем осталось.
То, что почерпнул из него, —
Это твоя доля;
То, что осталось в фонтане, —
Может стать твоим наследством.

(Комментарий к Диатессарону. 1:18–19)